

Эдуард Тинн

Русский европеец как проблема: историческая зарисовка*

Европейское христианство, несущее в себе и объединение, и разъединение

В духовном плане и Запад, и Россия вышли из Античности. В Античной цивилизации возникло христианство, которое объединяет Россию с Европой. Но исторически получилось так, что греческая и латинская ветви христианства развивались во многом параллельно.

Рим пал под натиском варваров в конце V века, великая цивилизация рухнула, и на шесть столетий раннего Средневековья Западная Европа оказалось в плачевном состоянии: культурное и социальное отставание от арабов и Византии было громадным. Правда, надо признаться, что латинская церковь в течение почти тысячелетия проводила повседневную работу превращения своей паствы, в том числе и бывших безграмотных варваров, в законопослушных христиан довольно-таки результативно.

Во всяком случае, когда в 1453 году с Византией все было кончено, и турки-османы стали новыми хозяевами на бывшей территории Восточно-Римской империи, в Западной Европе, прежде всего, в Италии, расцвел уже свободный дух Возрождения. В 1445 году во Флоренции при Козимо де Медичи открывают Академию Платона, а скульптор Донателло ставит в центре Флоренции своего голого Давида.

Но стартовую позицию Византии как-то неловко сравнивать с тем, что происходило в Западной части Европы: Византию варвары не покоряли, все величие старой Римской империи вроде сохранилось: развитые города, торговля, ремесла, высокий уровень материальной и духовной культуры... Ведь не зря византийцы считали себя продолжателями дела древних римлян, т.е. ромеев.

На первой стадии своего развития античная литература и философия были неотъемлемой частью византийской культуры: так, например, патриарх Фотий в IX веке был автором *Мириобиблиона* – своеобразной энциклопедии античных и ранневизантийских произведений. Правда, с усилением цезарепапизма античный пласт культуры все больше и больше отодвигался на задний план. Принцип безоговорочного руководства сверху и духовной, и мирской жизнью,

* Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

каноническое мышление, недопущение инициативы снизу и т.п. привели к тому, что византийское общество обезоружило себя перед нашествием турок, так как властвующая христианская элита во многом теряла чувство реальности, уводя вместе с верующими и самое себя то ли в мистику, то ли в то особое состояние, когда человек частично ощущает себя уже в потустороннем мире.

Византийские священнослужители были мастерами в умении доводить часть своей паствы до состояния экстаза или некоторых верующих до *видения*, до *откровения*, до прямого контакта с Богом и т.п. Одним словом, в Византии религиозная тяга бытия к потустороннему миру ослабила позиции бытия в посястороннем мире.

Католическая церковь вела себя более рационально, ее деятельность была сосредоточена прежде всего на мирских, посясторонних делах. Паству, как правило, больше пугали муками ада, чем баловали разговорами о рае. В эпоху раннего Средневековья католическая церковь была вынуждена меньше говорить о христианской любви и куда больше о послушании и покорности формирующихся христиан.

Несмотря на то, что в латинской церкви у папы не было такой полноты власти, как у Византийского императора, ибо власть приходилось делить со светскими властелинами, амбиции римских пап были настолько высоки, что папы ставили себя выше не только язычников, но и православных. До схизмы 1054 года все это не бросается в глаза еще так сильно, но бесспорную агрессивность по отношению к православным христианам мы видим уже в 1204 году, когда крестоносцы вместо того, чтобы идти воевать с мусульманами в Палестину, захватывают до 1261 года Константинополь. Да и Александр Невский, как известно, не мог найти общий язык с представителями западной церкви, ибо они ставили свой вариант христианства выше православной церкви.

Христианская Византия за тысячелетие постепенно выдавила из себя основные элементы антично-языческой культуры. Католическая церковь делала все то же самое. Античную телесность было трудно совместить с самой сутью христианского учения, где Бог и дух – все, а тело – ничто, к тому же еще и грешное. Вдумайтесь хотя бы в эстетические установки Августина Блаженного (354–430 гг.), для которого прекрасным может быть лишь Бог, а вся земная красота (водопадов, гор, женщин – чего и кого угодно) – фальшивая, ненастоящая.

От религиозной односторонности и аскетизма католическую церковь спас великий Фома Аквинский (1225–1274 гг.). Он внедрил учение языческого философа Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), который в первой половине XIII века в латинской церкви был запрещенным автором, в свою новую католическую доктрину. Благодаря аристотелевой философии значительные изменения произошли и в новой христианской эстетике. Когда Фома дал зеленый свет те-

лесности в искусстве, греческий принцип мимезиса, т.е. подражания, был в европейском искусстве восстановлен.

Без эстетической реформы внутри католической церкви никакой Ренессанс не был бы возможен. Если все, что создано Богом, в том числе и человеческое тело, прекрасно, то будем восхвалять гармонию тела и духа, божественность человека.

В эпоху Возрождения резко укрепился личностный аспект в европейской культуре. С одной стороны, открылся тот потенциал личностного начала, который был заложен в самом христианстве (человек создан по образу Божьему). С другой стороны, личностное начало, которое возникло в Древней Греции (например, у Протагора – человек мера всех вещей), смогло расправить свои крылья именно в эпоху Возрождения, когда термин «демиург» стали все чаще употреблять и в связи с деяниями и стремлениями самой человеческой личности.

Исторический путь России от принятия христианства до реформ Петра

После принятия христианства в 988 году и до нашествия монголов Киевская Русь была абсолютно нормальным Европейским феодальным государством. Это касается как периода, когда Киевская Русь была единым государством, в которое входили пятнадцать княжеств, так и последующего периода, когда в начале XIII века в конфедерацию входили пятьдесят княжеств. Киевская Русь была страной городов, с развитой торговлей и ремеслами, с грамотным городским населением, с четким законодательством (*Русская Правда* Ярослава Мудрого), с правом частной собственности на землю. На высоком уровне находились архитектура, искусство и книжное дело. Если задать вопрос, а были ли жители Киевской Руси европейцами, то ответ может быть один: да, они были европейцами. Однако определенные различия с Западом существовали: русские получили свой вариант христианства из Византии.

Князь Владимир получил готовый православный пакет из Византии как руководство к действию. Христианство было принято в Киевской Руси сверху и распространялось сверху. Учение Христа доходило прежде всего до городов, на остальных огромных территориях противостояние христианству, как со стороны языческого населения, так и со стороны волхвов, было значительным. Русская православная церковь имела два типа начальства: одно находилось в Константинополе, другое состояло из местных, то есть в роли начальников выступали сами русские князья. Кстати, о многом говорит и то, что из двадцати митрополитов лишь двое были русскими.

Если в Византии и на Западе христианство пережило этап теоретических дискуссий, споров и противостояний, то русское православие ничего такого не

знало: оно получило из Византии более облегченный, очищенный вариант христианского учения, в котором верность Всевышнему должна была демонстрировать именно ритуально-техническая часть богослужения, а не этическо-смысловое содержание. Русская православная церковь заманивала свою паству эстетической стороной богослужения: великолепным убранством соборов, вокальным песнопением, доводящим молящихся до экстаза, до своеобразного катарсиса... Одним словом, умением создавать атмосферу, в которой Бог как будто присутствует тут же, в храме, рядом со всеми, божественный и реальный миры сливаются в некое единство. Не стоит забывать и то, что православная церковь проводила службы на славянском языке, и это, несомненно, теснее связывало ее с народом. А католическая церковь, как известно, проводила службы на латинском языке.

В более поздние времена выяснилось, что оторванность русскоязычной церкви от греческого языка, а вследствие этого – и от античного пласта культуры в целом, серьезно сужала духовно-интеллектуальные возможности русского православия.

Единство в конфедерации Киевской Руси держалось на православии и на законодательных принципах, заложенных еще Ярославом Мудрым. Но после того, как русская православная цивилизация успела просуществовать где-то двести пятьдесят лет и началось монгольское нашествие, выяснилось, что единства и взаимопомощи в борьбе с врагом у русских княжеств не хватает. Да и предателей было более чем достаточно. Сказалось, видимо, и то, что этический аспект христианства не был разработан – на этом этапе развития – должным образом. Правда, великий Владимир Мономах (1113–1125 гг.), будучи человеком высоких нравственных принципов, проповедовал эти христианские принципы в своих сочинениях: особой известностью пользовалось его *Наставление детям*. Но как бы там ни было, уже после монгольского нашествия моральное падение среди русских резко осуждал епископ Серапион Владимирский (умер в 1275 году) в своем известном труде *Слова*. Автор пишет, что монголы нередко превосходили русскую элиту того времени в моральном плане.

Мне кажется, что во времена так называемой Киевской цивилизации настоящее христианство еще не успело глубоко внедриться в тогдашнее общество. Язычество никуда не исчезло, оно просто видоизменилось, сложился своеобразный симбиоз христианства и язычества. Киевская Русь была еще не христианская, а полухристианская страна.

Находясь под игом монгольских кочевников, русские поняли, что мало быть богатыми и развитыми: все это улетучивается в одно мгновение, если нет военной мощи. Поняли русские постепенно и то, что только единое сильное централизованное государство в состоянии удерживать порядок на огромных просторах. Горький опыт унижения и несвободы пошел, в конечном счете, русским на пользу, но столетия монгольского ига серьезно отбросили Россию

назад. Не стоит забывать, что именно в это время (XIII–XV вв.) Западная Европа сделала качественный скачок в своем развитии и пришла к эпохе Возрождения.

В новой же империи кочевников вся земля принадлежит хану, не может больше быть и никакого права частной собственности на землю. Правового государства больше нет. Да и самих прав больше нет, есть только обязанности – платить дань, подчиняться. Нет и права на жизнь. Народ поставлен в унижительное положение. Нет стимулов творить и строить, ибо татарские набеги могут погубить все начинания на корню. Властвует коллективистский дух, на любую личную инициативу смотрят косо, она не может реализоваться! Даже известная в будущем русская сельская община на самом деле – детище монголов. Она образовалась не снизу, нет, такую коллективистскую форму труда создали монголы: работающие люди должны были, с их точки зрения, входить в такие же формирования, как люди военные. Что вообще обозначало быть под татаро-монголами (хотя захват России начался с монголов, русские историки больше предпочитают делать акцент на слове «татары»)? Россия перестала быть страной городов, а города, как известно, – оплот цивилизации. До нашествия в Киевской Руси было 74 города. Лучших ремесленников захватчики увезли к себе.

Во времена Киевской Руси русские делали первые шаги в том направлении, чтобы цивилизовать Степь, но с середины XIII века начинается обратный процесс: русских интегрируют в азиатчину, они становятся частью Степи. Связь с Европой ослабляется, вместо феодальной Киевской Руси на западных картах появляется новое название славянской территории – Татария.

Православная церковь, которая раньше подчинялась князьям, в новых условиях стала подчиняться хану. Церковь не платила дань и обязана была делать все, чтобы люди не выступали против новых хозяев: по сути дела, она стала коллаборационисткой. Но православная церковь несла в себе и амбивалентное начало. Во время ига громадное значение приобрел тот факт, что церковь говорила со своим народом на родном русском языке. Церковь приобрела национальную силу. Чисто теоретически это означало, конечно же, отход от сути христианского учения, где все народы равны и христианство объединяет всех, то есть церковь является наднациональным институтом. Русское христианство тех лет больше напоминало иудеев, которые всегда исходили именно из национального начала. Но поскольку православная церковь не была еще со времен Киевской Руси особенно идеологическим построением, русские люди чувствовали единство между собой по очевидным, наглядным обстоятельствам: один язык, один облик, одни традиции, одно привычное песнопение в храме и одни привычные ритуалы в том же храме.

Благодаря церкви все русские чувствовали свое единство и начинали выпрямлять хребет перед кочевниками. Православная церковь сыграла свою положительную роль как во времена Куликовской битвы, так и в последующей победе над Степью. Но провозглашенная в 1480 году победа над Степью

оказалось странной победой. Московская Русь не восстановилась как европейская страна – ничего подобного: русские переняли от Орды во многом азиатскую систему руководства государством.

К власти в России по сути пришло Московское Ханство. Положительным было то, что новое государство расширялось в восточном направлении. Все остальные действия Москвы восхищения не вызывали: покорение свободного Новгорода и ликвидация ганзейской торговли с Европой, проигрыш в Ливонской войне, отсутствие выхода к Балтийскому и Черному морям, продолжающиеся набеги татар даже во времена правления Ивана Грозного, бесконечные религиозные войны с католической Польшей, в которых славяне истребляли славян с невероятной жестокостью. Правда, не стоит все-таки забывать и то, что если в XIV веке в Германии проживало двадцать миллионов человек, то в России в XV–XVII веках насчитывалось не более семи миллионов.

Европейское движение в сторону личностной культуры в Московском Ханстве оказалось невозможным. При самодержце даже бояре были превращены в холопов, поскольку их не защищали никакие законы, и судьба всего дворянского сословия зависела от воли или капризов Повелителя. Что говорить о других сословиях? Были обязанности, и не было никаких прав. Не было правового государства, как в Киевской Руси. Не было договорного принципа между сюзереном и вассалом, как на Западе и в той же Киевской Руси. Двести пятьдесят лет под кочевниками сотворили удивительную метаморфозу в сознании русских людей: после победы над Ордой врагами стали считать не тех, кто пришел покорять Россию с Востока, а наоборот, в качестве врага рассматривался Запад. Влияние монголов здесь налицо: Россия – как бы военный лагерь, в котором все «свои», а «не свои» – за пределами этого лагеря. В самом деле, в России вместо старой Степи (то есть кочевников), появилась новая, своя Степь, и через некоторое время эту Степь стали заполнять и те славяне, которые находились на более низких ступенях социальной иерархии.

Падение Византии лишило Россию союзника, хотя консерватизм русской православной церкви просматривался уже в 1439 году (за 14 лет до падения Константинополя), когда русская сторона не согласилась с преодолением схизмы между греческой и латинской церковью и провозглашенным объединением двух ветвей христианства. Митрополит Исидор, который подписал в Италии соответствующее документы, в Москве был обвинен в предательстве, еретизме и брошен в темницу. Русская церковь оказалась в изоляции. Она подчинялась новым властям, которые провозгласили Москву Третьим Римом, пережила своеобразный бунт раскольников в своих рядах, но в целом ее возможности ограничивались отсутствием автономности.

Русская церковь в отличие от католической слабо участвовала в социальной и просветительской работе. Трудно представить русских священников, которые писали бы сценарии для церковного театра или карнавалов, как это делали их

коллеги в Европе. На Западе церковь более действенно участвовала в руководстве социумом, а в протестантских странах – напрямую участвовала в системе школьного образования. Русская же православная церковь занималась прежде всего душой человека.

Хотя уже Борис Годунов отправлял людей учиться в Европу, а первые Романовы приглашали специалистов из Европы в Россию, в целом Россия до Петра была от Европы отчуждена. С частной собственностью дела были плохи, как и с наукой. Университетов в стране не было. Настоящей торговли с Западом тоже не было. Духовные лица разных конфессий между собой не общались. Одним словом, начиная с нашествия монголов и вплоть до века XVIII никакого русского европейца в России искать не стоит. Другое дело Киевская Русь: это была Европейская страна, в которой проживало много русских европейцев.

В конце отметим, что как в Киевской Руси было выдающееся церковное искусство, так и в трудные годы следующих столетий Россия по-прежнему отличалась высочайшим уровнем церковной архитектуры и искусства.

Начальный период усиления европейского влияния в России

Реформы Петра I (1672–1725 гг.) были призваны ликвидировать разрыв в уровне развития России и стран Европы. Петр I разрушил религиозную средневековую ментальность. Суть петровских реформ – секуляризация русского общества и европизация как общественной, так и личной жизни.

До Петра I религия доминировала над всем. Хотя московские цари вроде бы и стояли над церковью, в реальной жизни все получалось иначе: головы царей уже начиная с детства были настолько пропитаны религиозностью определенного типа, что именно эта религиозность и стала управлять всеми. За рамки данной ментальности не выходил почти никто. Она определяла всё.

Кстати, на закате Византии там сложилась похожая обстановка, которую можно назвать цезарепапизмом. Об аналогичном слиянии двух начал можно говорить и в допетровской России. В противовес этому стоило бы вспомнить, как в XV веке в Италии начался период властвования так называемых либеральных пап, которые любили Античность и ни в коем случае не растворялись в христианстве. При Петре I религиозная средневековая культура была отодвинута на второй план, а на пьедестал была поставлена культура светская. Петр I упразднил патриаршество, а управлять церковной жизнью стал правительствующий Синод. Если раньше люди должны были служить Богу и государю, то в петровское время служить надо было царю и Отечеству.

Петр I снова повернул Россию в сторону Европы, и русские стали без стеснения учиться у европейцев. Учились французскому языку, европейским

манерам, навыкам труда, принципам государственного устройства. В 1725 году в Петербурге была открыта Академия наук, которая выполняла как научную, так и педагогическую функцию. Победа в Северной войне обозначила и то, что Петру I удалось создать сильную армию и военно-морской флот. И все это государь создавал при помощи европейских специалистов. Эстляндия и Лифляндия стали частью Российской империи. Так как прибалтийская аристократия была во время войны не на стороне шведов, а на стороне русских, государь подарил прибалтийским немцам особый остзейский порядок.

Параллельно с французским началом в России в XVIII веке резко усилилось немецкое влияние. Те же прибалтийские немцы были лояльны русскому государству и проявляли активность как на службе в армии, так и при дворе.

Протестанты и католики получили возможность исповедовать свою религию. После раздела Польши в конце XVIII века количество католиков в России, естественно, сильно увеличилось. Столица империи, Санкт-Петербург, изначально возникла как интернациональный город. В европейской части страны удельный вес иностранцев европейского происхождения постоянно рос.

В допетровской России существовала церковная монополия на образование. Обучение носило богословский характер (высшие слои духовенства изучали греческий и латинский языки, а также грамматику, риторику и философию). Грамоте обучали и в семье. Как уже было сказано выше, православная церковь широким народным массам образования дать не смогла, и здесь мы видим кардинальное отличие от протестантизма. До крепостного крестьянства руки церковников в России не доходили. Да и четкого плана, честно говоря, в данном направлении средневековой властью выработано не было.

Что изменилось в образовательной сфере при Петре I? Была принята государственная система образования. Обучение грамоте считалось частным делом граждан. Для дворян обучение было обязательным, дворянские дети сдавали государственные экзамены. Духовенство получало образование при монастырях и в духовных семинариях. В России получилось так, что белое духовенство сделало свою профессию наследственной.

При Петре I все больше молодежи обучается за границей, а в стране открываются разного типа профессиональные школы, дающие, как правило, узкоспециальное образование. Модернизация страны требует специалистов во многих областях. Хотя в петровское время у многих простых людей и появилась возможность подняться по социальной лестнице, крепостное крестьянство продолжало оставаться в убогом состоянии. Уровень грамотности среди сельского населения по сути не вырос.

Но в целом страна развивалась успешно. Правда, после смерти Петра I наступил период интриг, борьбы за власть, дворцовых переворотов, даже контрреформ. Но уже при дочери Петра I, Елизавете Петровне (1741–1761 гг.),

был открыт Московский университет (1755 г.) и одержана победа в Семилетней войне (1756–1763 гг.).

В военном плане была удачлива и Екатерина II (1762–1796 гг.), которая после раздела Польши присоединила к Российской империи земли нынешней Белоруссии, Западной Украины, Литвы, Латвии (Курляндии), а выход к Черному морю и создание Новороссии также расширили национальный состав жителей России. Дочь прусского генерала, ставшая Екатериной Великой, пригласила в Россию на постоянное место жительства и значительное количество европейских немцев.

Россия конца XVIII века – многонациональная страна. Екатерина II, как и прусский король Фридрих II или австрийский император Иосиф II, считалась в Европе представительницей просвещенной монархии. В роли ее учителей выступали французские просветители во главе с Вольтером и Дидро. Последние требовали от Екатерины II проведения в России реформ.

Екатерина II довольно бодро взялась за реформирование страны, но через некоторое время стало ясно, что в огромнейшей державе не все так просто: консервативное прошлое держало Россию эпохи Просвещения в своих азиатско-степных объятиях еще довольно крепко. Вчерашние бояре не хотели ничего и слышать об освобождении крестьян, идея отмены крепостного права была для России еще немыслимой. Мудрая Екатерина II поняла о своей новой родине все, что нужно, довольно быстро, и не стала пробивать головой стену, а предприняла в своей реформаторской деятельности более мягкие шаги.

Екатерина II позаботилась о дамах и открыла два учебных заведения для девочек: для дворянок – Смольный институт, для мещанок – Екатерининский институт. Открыла императрица и Медицинскую академию. Екатерина II поддерживала петровскую систему государственного образования и пошла еще дальше: были открыты малые народные училища в уездных городах и главные училища в губернских городах. В России появилась широкая сеть частных школ закрытого типа. Но крепостные крестьянские дети, как и раньше, остались не охваченными школьным образованием.

Дерзко императрица обходится с православной церковью. В 1764 году выходит акт Екатерины II о секуляризации церковных владений. После этого церковь стала зависимой от государства не только в административном, но и в экономическом отношении. Но если Екатерина у церкви отняла земли, то с дворянством она поступила с точностью до наоборот. Служебные поместья дворян стали их частной собственностью, после чего русские дворяне стали похожими на европейских аристократов, и их спины распрямились. Чувство собственника дает человеку уверенность, что он больше не московский боярин, с которым властелин мог делать все что угодно. Екатерина II не могла освободить всех, но она сумела освободить дворян, для которых отменили телесные наказания.

Надо знать, что этот шаг Екатерины II вызывает у некоторой части историков и осуждение, ибо дворяне, становясь владельцами земли, приобретали тем самым и людей, то есть крепостных крестьян. Ясное дело, положение крестьян после реформы Екатерины не улучшилось и в широком социальном плане: в контексте XVIII века это был бесспорный шаг назад. Мне кажется, что важнее тут другое: освобождение дворян создало в конечном счете в России новую обстановку: появились новые люди, люди внутренне свободные, с чувством собственного достоинства. Именно такие люди создали в XIX веке дворянскую литературу, и часть из них стали мировыми классиками, гордостью России. Холоп не в состоянии создавать мировую литературу, на это способен лишь свободный человек.

Таким образом, Екатерина II выступила в роли акушерки великой Русской культуры XIX века, которая сначала была именно культурой дворянской. Не стоит никогда забывать, что в России следующих столетий великая дворянская литература была тем компасом, который показывал людям ориентиры нравственности и человеческой порядочности.

В своем знаменитом *Наказе* Екатерина Вторая констатирует, что «Россия есть Европейская держава». То есть здесь сказано, что у Российского государства в конце XVIII века – европейская ориентация. Сказано, что Россия продолжает петровское дело, и для нее важны европейские принципы жизни.

Посмотрим, чего же достигла Россия в век Просвещения. Армия стала европейской. Началась модернизация в хозяйственной и торговой сферах. Бесспорные были успехи в культурной сфере. Появилась плеяда литераторов и писателей, которые заложили основы русского просветительства и творчества европейского типа.

Достаточно вспомнить имена Ф. Прокоповича, А. Кантемира, В. Тредиаковского, А. Сумарокова, М. Хераскова, Д. Фонвизина, А. Радищева, Я. Козельского, Н. Новикова, Я. Княжнина, Н. Николаева, Г. Державина и др. Многие русские писатели XVIII века были еще недостаточно самостоятельны, они подражали, прежде всего, французам: так, Сумарокова называли в России Северным Расином. Но ведь французский классицизм XVII–XVIII веков – это то, что считалось лучшим в Европе, так что русские опирались на достойный художественный образец.

Человеческая способность рационально мыслить главенствовала в эстетике классицизма, где прекрасной считалась не просто природа, а очищенная человеческим разумом природа. Творчество того же просветителя Вольтера, драматурга, классициста, показывает, что данный художественный метод позволяет поднимать в искусстве острые общественные проблемы. Классицизм подходил для России XVIII века и из-за того, что входил в русло требуемого светского, а не религиозного искусства. Петровские реформы требовали развития секулярной культуры, и явлением именно такой культуры можно

считать открытие Федором Волковым (1729–1763 гг.) первого русского профессионального театра. Главным титаном отечественной мысли был, конечно же, ученый-естествоиспытатель и поэт Михаил Ломоносов (1711–1765 гг.), который, получив образование в Германии, стал ученым международного класса в России.

А посмотрите какой уровень материальной цивилизации встречает всех, прежде всего, в ведущих русских городах! Здания Санкт-Петербурга и архитектурные ансамбли вокруг столицы империи потрясают воображение по сей день. Но все это во многом было заложено в XVIII веке лучшими европейскими и русскими зодчими, архитекторами и художниками. Российские строители, инженеры, механики и др. заслуживают высшего уважения. В России XVIII века создается материальная культура мирового класса.

Как может себя чувствовать русский европеец в конце века Просвещения? Столица Российской империи – одна из величайших в мире. Армия – одна из лучших в Европе. Литературе и искусству надо еще дотянуться до Европы, но все идет в верном направлении. Из Европы импортируют товары, технологии, научные открытия, моду, манеры, нравы, и, конечно же, разного рода идеи. Это идеи абсолютистские, идеи конституционной монархии, идеи просвещенной монархии, идеи республиканские, идеи, проповедующие «естественные права» (Дж. Локк), идеи атеистические, идеи революционные, идеи от «имени народа» (Ж.-Ж. Руссо), идеи ликвидации сословного общества, идеи католические, идеи протестантские и т.д. Сближение с Европой означало, что и в России, вышедшей из своей изоляции, появились люди европейских взглядов, которые могли поддерживать любые перечисленные мной варианты идей.

Что же касается идеи Просвещения, то после кровавой Французской революции 1789 года Российская империя не могла поддерживать цареубийц, и следующий император, Павел I (1796–1801 гг.), объявил войну всякого рода якобинцам. Возникшее новое государство, США, наоборот, включило в свою конституцию идеи просветителей, французских революционеров и вдобавок к этому еще и английскую теорию «естественного права», и держится на данном просветительском фундаменте уже более двухсот лет. Вследствие этого США стали строить бессловное общество, и у них нет никаких графов, князей, герцогов и т.п.

В XVIII веке жизнь в Европе в целом была еще довольно консервативной, и разница с Россией выступала тогда еще не столь выпукло. Посмотрим, в каких же сферах различия между Европой и Россией бросаются в глаза в первую очередь. Первое различие связано с территорией, с огромным российским пространством. Цивилизовать страну таких масштабах сложно. Создать законопослушного гражданина в таких условиях, как в России, фактически невозможно.

Посмотрим, как формировался законопослушный индивид в Европе, где расстояния небольшие, каждый человек на виду и убежать ему в общем-то некуда. Огромную жесткую работу проводила католическая церковь, от нее было некуда деться, и она держала свою паству в послушании. Западной церкви, в общем-то, и удалось создать послушного человека. Но человека держали в строгих рамках и муниципально-хозяйственные власти: цеховой уклад и разного рода гильдии требовали дисциплины. Четкий порядок был необходим и в различных купеческих объединениях. Добавим сюда и то, что европейская структура общества была напрямую связана с Римским правом и договорная система встречалась во всех сферах жизни.

Средневековую законопослушность взорвало в Европе Возрождение. Это был поток свежего воздуха. Возвращение к античным ценностям увеличило уровень свободы. Роль личности возросла, смелости стало больше, а против нерушимого авторитета римских пап поднялись протестанты. Западная церковь раскололась. Большую часть католических земель и богатств переписали на себя протестанты. Средневекового законопослушания в Европе становилось все меньше и меньше. В качестве бесцеремонной силы стал себя показывать бизнес. Чего стоит в Англии одно только изгнание из деревень людей и замена их на овец, «сырье» для производства ткани. Или вспомним крылатую фразу Джон Локка (1632–1704 гг.) – «на Парнасе нет золотых приисков», означающую, что каждый джентельмен обязан искать на планете места, где можно делать бизнес, а не заниматься бесполезным делом, например, искусством. Английское новое дворянство занялось бизнесом уже в XVI–XVII веках, русское дворянство считало почти до революции 1917 года, что бизнес – мужицкое занятие, удел купцов (правда, купцы не могли в России по-настоящему раскрутить свой бизнес, поскольку земля им не продавалась).

От Запада Россия отличалась не только огромной территорией и отсутствием серьезного бизнеса в XVIII столетии, но и печальным наследием Московского Ханства с его Степью, которая дала о себе знать во время Пугачевского восстания, уничтожавшего все на своем пути. В XVIII столетии было по-прежнему видно, как отличались друг от друга западная и русская церкви. Русская церковь была инструментом в руках властей, что лишало ее собственного свободного развития. Западная церковь пережила Реформацию и раздвоилась. Но как раз в XVIII веке католическая церковь пережила новое потрясение.

Дело в том, что из католической церкви не только в XVI веке вышли кальвинисты и лютеране: в XVIII веке церковь стали покидать представители светской культуры, попавшие под влияние идей Просвещения, и католическая церковь была бессильна что-либо сделать. Если в России начиная с Петра Первого секуляризация культуры была государственной политикой сверху, то в той же Франции секуляризация культуры происходила, в основном, снизу.

Конечно, не стоит забывать о коротком отрезке времени, когда во время яacobинского правления католическая церковь жестко преследовалась. В России к Европе относились более благосклонно люди светского характера, определенная часть истинно православных людей была недовольна государственной секулярной политикой и смотрела на Европу в общем-то с опаской и, скорее всего, негативно.

Напрашивается вывод: в век Просвещения русских европейцев надо прежде всего искать среди людей, не слишком на старинный манер православных. К Европе тянулась более «модная» часть россиян того времени. Антипетровские же силы считали, что истинно православному человеку в Европе делать нечего.

Вызовы, стоящие перед русскими европейцами и по сей день

При описании ситуации в России XVIII века может показаться, что все мало-мальски грамотные люди, которые одеваются и ведут себя на западный лад, и есть русские европейцы. Однако последовавшие столетия развития России все-таки приведут нас к пониманию, что европейство – понятия ценностное.

Почему Европа возникла в древней Греции? Да потому, что степень свободы в Афинах была выше, чем в окружающих странах. Под властью фараона или восточного деспота не было возможности спорить, дискутировать, шевелить мозгами, как в древней Греции: на Востоке все было ясно и так. Афинский свободный дух и подарил Европе науку, философию, искусство, он подарил ей и личностную культуру. Среди европейских ценностей личность и свобода этой личности стоят выше всего. Скажите, где еще, кроме Европы (теперь уже можно сказать – Запада) культуру можно назвать личностной? В Китае? В мусульманском мире? Среди африканских племен? Личность – не биологическое понятие, до личности надо дорасти. Личность – тот, кто способен осмысливать свою деятельность, отдает себе в своих действиях отчет. И. Кант написал в 1788 году свою *Критику практического разума*, где он утверждал, что человек начинается с порядочности. Этика, по Канту, требует свободного сознания личности, когда делается выбор между злом и добром. Так, чтобы стать моральным человеком надо приложить к этому усилия.

Христианскую религию можно делить не только на западную и православную ветви, но и чуть иначе. Скажем так: на более низкую и на более высокую ступени развития. Более высокая ступень подразумевает умение видеть в учении Христа ее личностное начало. Человек, который создан по Божьему образу и подобию, находит в Боге и Любовь, и Совесть. Такого рода христианство приходит к согласию с Античностью и с ее личностной культурой. Настоящее христианство не может развиваться без признания свободы человека. Но в эпоху

раннего Средневековья мы видели и вариант более примитивного подхода к людям (правда, исторически обусловленного), когда католическая церковь пыталась прежде всего пугать паству муками ада и требовала простого подчинения во всем.

Видеть в христианстве лишь коллективистскую, народную или конфессиональную силу – этого мало. Если человек стал членом конфессии, это не значит, что он автоматически стал христианином: нет, до истинного христианства впереди у него длинная дорога. Можно также сказать, что христианином не рождаются, им становятся.

Ту же логику можно увидеть и в вопросе о русском европейце. Европейцем становятся. И первые ценности, которые признает и русский, и немецкий европейец – это уважение личности и свободы. Как человек мыслящий, европейец понимает, что он должен поддерживать все то, что способствует личностной культуре в социуме. Он будет в первую очередь поддерживать образование, частную собственность, духовную свободу, порядочность, человеческое достоинство и, разумеется, гуманизм как христианского, так и кантовского секулярного толка.

Как ценностное понятие европейство напрямую не связано с какими-либо партийными подходами. Так, например, в истории нового времени за свободу больше всего ратовали либералы. Свобода им была нужна прежде всего в экономической сфере. Занимаясь бизнесом и поисками «золотых приисков» те же джентльмены, последователи Джона Локка, наломали немало дров своей хищнической деятельностью во многих регионах мира.

Европейец не может автоматически быть либералом. Но не может он также быть, например, *a priori* националистом. В истории той же Европы мы не раз видели, как благородная борьба за свободу и права своей нации может привести к лишению свобод и прав других наций. Когда Наполеон напал на Россию, он надеялся, что крепостные крестьяне будут на его стороне. А как же иначе, ведь французская государственная модель была куда более передовой в сравнении с крепостнической российской, французы несли всем свободу! Теоретически это так, но практически все вышло иначе: и барин, и его холоп воевали против «передовых сил истории» вместе. И русский европейец тех лет был также на стороне сословной империи, хоть через тринадцать лет, возможно, он стоял на Сенатской площади в рядах декабристов. В каждой конкретной ситуации русский европейец был вынужден принимать решение, на какой стороне истории в реальных схватках и коллизиях его времени стоит он, личность, желающая быть европейцем.

Наш европейец не мог исходить из узкопартийного взгляда на вещи, не было в его распоряжении и никакого конкретного руководства к действию. Он мог опираться на общеисторическое наследие. Уважения требовали Античность, христианский гуманизм, рыцарская культура чести, Возрождение, Просвещение,

кодекс Наполеона, немецкая классическая философия, позитивизм как философия науки, социализм как учение о надеждах справедливого мироустройства и т.д.

Как видим, русский европеец должен был быть очень даже образованным человеком. В конкретных условиях XIX века им мог быть, прежде всего, дворянин, позже – разночинец. Европейца можно искать среди образованных людей, в сословной России среди безграмотных крестьян никакой европеец обнаружиться не мог. Как было уже сказано, на крестьянина влияла Степь, и в его жизни азиатского начала было больше, чем европейского. При этом речь идет не только о кочевническом наследии. Вопрос Востока и Запада – более существенный философский вопрос.

Традиция Востока рассматривает человека и природу, субъект и объект в единстве. Человек – песчинка во Вселенной, в лучшем случае – мыслящая песчинка. Значение человека ничтожно в этом мире. Высшая мудрость, например, в буддизме – *нирвана*, умерщвление в себе личностной воли и активности. Ориент созерцает, наблюдает, смиряется, правда, иногда и вспыхивает как вулкан. Европейская философия противопоставляет субъект объекту, культуру природе. Всему тому, что создано природой, противопоставляется то, что создано человеком. Характерная тяга европейской мысли выстраивать над собой и над природой в целом некую духовную субстанцию приводит в конечном счете и к возникновению современной науки как таковой. Европейская наука превратилась в громадную материальную силу, благодаря которой стал меняться весь мир. На Востоке современная наука создана не была, были достигнуты лишь единичные научные открытия.

Великого немецкого поэта и ученого Иогана Вольфганга фон Гёте (1782–1832 гг.) можно рассматривать как личность, которая несет в себе истинно европейское начало. Для Гёте личность начинается с активной деятельности, со строительства дамб, с преобразования природы, с борьбы со стихией, с созидательного начала и т.п. Гётевское «Фаустовское начало», зовущее людей покорять новые высоты, во многом и есть квинтэссенция европеизма. В России в ногу с Гёте шагает титан русской мысли Александр Пушкин (1799–1837 гг.).

Новозможно было в XIX веке быть европейцем, не веря в активную роль сознания как на индивидуальном, так и на общественном уровне. В немецкой классической философии утверждалось, что окружающий мир можно переустроить, очеловечивать, эстетизировать. Человек может изменять мир исходя из тех законов, которые он сам для себя установил. Да и позитивизм на каждом шагу твердил о прогрессе.

XIX век подарил много разнообразных идей. Выдвинута была и идея социализма. Трактовки учения К. Маркса были прямо-таки взаимоисключающими. К. Маркс считал, что социалистическое общество возможно построить лишь в развитых капиталистических странах: там, где имеется пролетариат.

Анархист М. Бакунин считал, что в России можно построить новое социалистическое общество опираясь на так называемую Степь, крестьянскую общину, казаков и разного рода уголовный элемент.

У образованного русского европейца голова опухла от всякого рода передовых и интригующих идей, пришедших из Европы. Но как быть с этими идеями в России? В России в начале XIX века уже более пятьдесят миллионов жителей; великая победа над французами и русский победный марш в Париже; в 1809 году Финляндия входит в состав России; Венский конгресс и наступление консервативных сил по всей Европе; выступление декабристов и эпоха Николая I, отбросившая Россию назад; позорное поражение в Крымской войне; освобождение крестьян в 1861 году (в Эстляндии и Лифляндии крестьян от крепостного права освободил Александр I уже в 1816 и 1819 гг. соответственно); различные реформы Александра II, убийство царя в 1881 году.

Появилась идея Думы, но в XIX веке в России парламента не будет. Зато будут военные победы на южном фронте над турками (1877–1878 гг.), но у царя-реформатора не хватит смелости дать команду взять Константинополь. Россия становится, с одной стороны, страной безжалостных террористов, с другой – сентиментальных народников, которые, выдвинув идею вины образованных людей перед простым народом, т.е. крестьянством, пойдут с благими намерениями в народ и будут этим же народом отвергнуты.

В среде одной части религиозных интеллигентов будет выдвинута идея о «правде народной». И здесь также ощущается чувство вины перед простым народом. А вина ведь и в самом деле огромная: в России столетиями никто должным образом не занимался грамотностью крестьян! И виноваты в этом не интеллигенты из разночинцев конца XIX века, а царская власть, которая в течение длительного времени бездействовала. Ясное дело, грамотности восьмидесяти процентов безграмотного населения мешало само крепостничество. Но и русская православная церковь грамотностью крестьянства всерьез не занималась. Самый большой упрек царской власти в XIX веке состоит все-таки в том, что по-настоящему, по-европейски, реформировать Россию не удалось.

Что же в российской жизни должно было возмущать европейца в первую очередь? Во-первых, медленный ход цивилизации страны. Все мешало сословное общество и то, что люди в царской империи были юридически неравны. До 1861 года крепостных можно было продавать по одиночке и вместе с землей помещика. Отсутствие земельной реформы торпедировало экономическое развитие страны. Запад посещали сверхбогатые русские помещики, среди них были и очень даже образованные люди, почти европейцы: почти – потому, что одновременно они могли быть и рабовладельцами у себя дома. Русские подарили миру культуры такое позорное явление, как крепостной театр или крепостной симфонический оркестр. Такого типа театр нес в себе издевательство и над личностью актера, и над искусством как таковым.

Русского европейца не могло не удручать то, что Россия раскалывается на глазах. Пропасть между образованной и необразованной частью страны только увеличивалась. У крестьян рождаемость была выше, чем у горожан. Екатерина Великая, глядя в будущее, заявляла: «Россия есть европейская держава». Через сто лет это было неправдой: европейской можно было считать не более четверти этой империи. Традиционными оппонентами европейцев были почвенники, славянофилы и др. – все те, кто считал, что не надо слепо подражать Европе, Россия должна иметь свой путь развития, свою специфику, свое лицо во всем. Спор европейцев с современными последователями славянофилов продолжается и сегодня. А аргументы, ослабляющие позиции европейцев, выдвигает и сегодняшняя Европа, которая шаг за шагом удаляется от классических европейских принципов и прежней симпатии уже не вызывает.

Надо признаться, что русские европейцы и в былые времена идеализировали Европу. Еще Н. Чернышевский писал, что во Франции, Англии и Германии много невежества. В России было крепостничество, в Британской империи же запретили рабство лишь в 1833 году, а в США проблема рабства и расизма существовала длительный период времени. Почитайте А. Шопенгауэра, писателей-романтиков, Ч. Диккенса или труд Ф. Энгельса *Положение рабочего класса в Англии*, и вы поймете, почему часть русских социалистов в свое время так боялась капитализма и предлагала из русской крестьянской общины совершить прыжок прямо в светлый социализм: главное было – миновать ужасный капитализм.

Русские европейцы могли спорить и дискутировать со славянофилами, революционными демократами, народниками, позитивистами, социалистами, консервативным духовенством, монархистами и др., но главный идейный противник был спрятан за термином *евразийство*. Евразийцы восхваляли жизнь под кочевниками и хотели, чтобы Россия повернулась в сторону азиатства. Евразийцам нравился русский, который под игом кочевников стал покорным, потерял свое личностное «я», выполнял свои обязанности и не поднимал вопрос неких прав. Вместо личности восхвалялся коллектив. Человек – песчинка, покорная Судьбе или Повелителю.

Можно, конечно, говорить и спорить на тему «особого пути» России, но для русского европейца этот путь принципиально не азиатского направления. Особенности России в первую очередь связаны все-таки с ее огромными просторами, которые архисложно цивилизовать и которыми архисложно управлять. Горкий опыт прошлого, когда благополучная, но разделенная на пятьдесят княжеств Киевская Русь перестала существовать, оставил в русском народном сознании свой след, и ответ мог быть только один: огромная страна должна иметь сильную центральную власть и военную мощь. Если хотите, это вопрос российской специфики.

Благополучие граждан не может стоять на первом месте, на первом месте – армия и флот (Александр III). Логика тут простая: пусть мы, русские, проживем чуть беднее Запада, но зато мы в безопасности, суверенны и не должны никому подчиняться. Чувство свободы русским необходимо еще и потому, что Россия желает участвовать в делах мира, такова ее миссия.

Критикуя Степь и безграмотность простых русских людей царского времени, не стоит все-таки перегибать палку. В полуязыческой стране, где Бог и Колдун находились рядом и дополняли друг друга, народ не терял способности самостоятельно мыслить, имел так называемую смекалку и, что особенно важно, самовыражался в течение столетий через народное творчество. И русское религиозное искусство опиралось на народное творчество (искусство Киевской Руси, Московского княжества, искусство XIX века). Много взяли из народного творчества русские композиторы, художники, архитекторы и др. В XIX и XX веках грамотность – хотя и важный, но не единственный параметр, определяющий качество человека.

Определенная непохожесть на Запад заложена и в русском православии. Да, автономности и возможности внутренне свободно развиваться у русской церкви было меньше, чем у европейской. Но обратите внимание на внутренний гуманизм русского православного христианства. Августин Блаженный оставил христианам учение о Божьей милости. Получалось так, что уже заранее известна, т.е. предопределена судьба каждого человека. Было ясно, кто попадает в рай, а кто нет, кто удостоен Божьей милости, а кто нет.

Этот принцип взяли на вооружение и протестанты. В данном случае линия между «чистыми» и «нечистыми» проходила больше в меркантильной плоскости: на Божью милость могли рассчитывать те, кто каждое воскресенье посещал церковь, имел недвижимое имущество, трудился в поте лица, увеличивал свои капиталы, был прижимистым, после смерти оставлял все детям и т.п. Протестантскому Богу нравилось, чтобы люди уже в посюстороннем мире были зажиточными и любили бы деньги. А что касается бедняков, всякого рода богемы и пролетариев, то им не стоило надеяться на расположение со стороны Бога.

У православных не было никаких «чистых» и «нечистых», ворота рая были распахнуты для всех, все зависело от того, каков сам человек, чиста ли его душа. А деньги и богатство не играли в русской церкви существенной роли. Отсутствие меркантильности в русской православной церкви – это несомненная особенность России вообще.

Кое-что специфическое оставили в России и татаро-монголы. Монгольские воины были блестящими, они не боялись смерти, а с предателями монголы беспощадно расправлялись («Яса» - принципы учения Чингисхана). Некоторых побежденных славян постоянно интегрировали в монгольскую армию, и там они постигли немало полезного в военном искусстве. Монголы были в конце концов побеждены, но военное наследие они оставили. Речь идет о русской

коллективистской воинской чести, когда воины не боятся смерти, готовы идти на смерть все вместе. Западный рыцарь защищал свою личную честь, русский дворянин вызывал на дуэль противника и был готов идти на смерть, но это был его личностный акт. В современной Европе готовность русских воинов идти на смерть может показаться анахронизмом, но мы знаем, что в этом «анахронизме» сила и современной русской армии. От монголов в России осталось и крайнее неприятие предателей. Человек, давший присягу и нарушивший ее, достоин смерти: в этом русские воины отличаются от Запада, здесь у них своя специфическая ментальность.

XX век начался для Российской Империи плохо: проигрыш в войне с Японией; Революция 1905 года; император был вынужден созвать Думу. Но при этом экономика шагала в гору. Петр Столыпин проводил свои реформы, чтобы, в конце концов, появился русский фермер. Скорее всего, если бы столыпинские реформы проводились в XIX веке, никакой большевистской революции осенью 1917 года не было бы. Русская элита опоздала с реформированием страны, и в расколоте обществе революционный взрыв был закономерен. Рубеж веков был крайне любопытен как в культурной жизни Европы (различные новые художественные течения), так и в самой России (Серебряный век, Абрамцево, русский балет в Париже, авангард). В политической жизни России также возникло много различных течений, особенно левого толка. Социалистические и революционные идеи стали популярны среди значительной части русской интеллигенции.

Как в этих новых условиях должен был себя чувствовать наш русский европеец? Среди европейцев встречалось две категории людей: первая – личности пассивные, переживающие все внутри себя, ко второй относились личности активные, но к вершинам власти в царское время их не очень-то допускали. Однако активные европейцы чаще всего встречались среди средних слоев общества (промышленники, купцы, научно-техническая интеллигенция, преподаватели учебных заведений, студенты, члены земских собраний, творческая интеллигенция, литераторы, журналисты, православные реформаторы и пр.). Час этой категории людей пробил в феврале 1917 года.

Среди представителей Временного правительства удельный вес европейцев был значительным. Но русские европейцы власть упустили, и их судьба была печальной: кто-то пал на фронтах гражданской войны, кто-то был вынужден покинуть Россию, кто-то оказался в заключении или был расстрелян новой большевистской властью. Красные победили белых и с первого взгляда может показаться, что Степь окончательно взяла верх над Европой. На самом деле все оказалось куда интереснее. Большевистская власть, настраиваясь на перманентную революцию, смотрела все-таки не в сторону Азии, а в сторону Европы. Тем более, что учение К. Маркса (хоть и искаженное), которое было взято на вооружение советами, было чисто европейским учением. В

большевистской России был принят план монументальной пропаганды, в котором был и список выдающихся европейских деятелей, которым намеревались ставить памятники. Массовыми тиражами выпускалась западная классическая литература.

Да, в связи с большевиками можно говорить об определенной европейской ориентации, но из европейских деятелей выдвигались подходящие в идеологическом плане фигуры. Как бы там ни было, но в 20-е гг. в советской России в разных видах искусства создавались замечательные произведения. Не забудем еще и ликвидацию безграмотности в стране.

Хребет русских европейцев не был окончательно сломлен новой властью. В более свободной обстановке 20-х гг. (до начала провозглашения «социалистического реализма» в начале 30-х гг.) русское европейство проявляло себя прежде всего через художественное творчество. Можно с полной уверенностью заявить, что русский европеец мог мощно проявлять себя и в 1960–80-е гг. Ведь мировоззрение как технической, так и гуманитарной интеллигенции было вполне европейским, гуманистическим и личностным. Это нашло свое отражение и в советском искусстве того времени. Советское кино, музыка, театр, литература и поэзия находились на достойном европейском уровне. Прибавим к этому еще и высококачественную диссидентскую литературу. Советские гуманисты-интеллигенты могли быть европейцами лишь в духовно-творческом плане, полнокровными европейцами они быть не могли: они не имели частной собственности и не могли заниматься предпринимательством.

В 1990-е гг. в капиталистической России из разных социальных слоев вышли бизнесмены с капиталами, и многие из них поначалу носили малиновые пиджаки и цепи на шее. Русские бизнесмены наводнили всю Европу, однако на первом этапе большинство из них европейской ментальностью, конечно же, не обладало.

Проходят десятилетия. Довольно большое количество бывших советских граждан живет ныне в различных европейских странах за пределами России. Русские европейцы не вымерли, сегодня они живут повсюду. И все было бы хорошо, если бы на наших глазах не начали происходить странные метаморфозы с нашей старушкой Европой: она потихонечку становится Африкой.

В чем же дело? Дело в модной ультралиберальной глобалистской политике западной элиты. Все началось с концепции «мульти-культи», в соответствии с которой культура европейской цивилизации с ее двухтысячелетней историей объявляется равной культуре любого племени, где танцуют и поют. Лицемерие и беспринципность политкорректных руководителей Европейского союза заключается прежде всего в том, что они боятся сказать африканцам, что одних танцев и песен мало: надо себя развивать в культурном плане. Культурным никто не рождается, культурно-цивилизованном народом становятся вследствие усердия и постоянного труда.

Ненормальность нынешней ситуации в Европе видна уже в том, что в таких ведущих странах, как Франция и Англия, налицо двузаконие. Параллельно с государственными законами этих стран существуют еще и законы шариата, по которым в реальности живут мусульмане. В Западной Европе сегодня десятки тысяч шариатских судов. Европа возвращается в Средневековье. Опаснее терроризма то, что на улицах и площадях Европы появляется все больше людей со средневековым сознанием.

Неприемлемость идеологии глобалистов не только в том, что она стандартизирует и нивелирует общественное сознание, но прежде всего в том, что отбрасываются национальные интересы стран, христианские ценности европейцев, традиционные семейные устои, ценности классической европейской культуры. Выдвигается абсурдная концепция, что пол человека – социальная конструкция, которую можно и желательно менять как перчатки.

Современная либерально-глобалистская идеология есть одна из разновидностей коммунистической идеологии, только если марксистское учение опиралось в первую очередь на немецкую классическую философию и имело серьезную теоретическую подоснову, то глобалисты поднимаются не выше обыденного мышления (*common sense*). Правда, учение последователей К. Маркса в России и некоторых азиатских странах оказалось утопией, так как они надеялись осчастливить жителей всей планеты революционными методами и в одночасье.

Стремление глобалистов так же утопичны. Благородная сама по себе идея того, что надо предоставлять помощь всем народам, бывшим когда-то под колониальным игмом, не вызывает возражений. Вот только плацдармом, на котором реализуются все эти благородные стремления, является Европа. Наплыв всех «униженных и оскорбленных» именно в не такую уже большую в территориальном смысле Европу ставит под удар всю европейскую цивилизацию. Дело тут в пропорциях: нарушение естественного хода жизни одного или другого народа в различных странах выводит жизнь из равновесия. Если кто-то в Евросоюзе начинает поднимать вопрос о том, что Европа не в состоянии интегрировать такое огромное количество людей, то тут же слышит в свой адрес обвинения в расизме. Виновником наплыва людей из Азии и Африки в Европу являются сами международные глобалистские силы, дестабилизирующие обстановку в странах Востока.

Вместо того, чтобы помогать людям малоразвитых стран в их домашних условиях или в соседних с ними странах, территорией крайне опасного эксперимента сделали Европу. Бывшему президенту США Бараку Обаме нравится разноцветная Америка, но она изначально не строилась как союз различных национальных государств, она развивалась как своеобразный котел, в котором переплавляются все нации и племена. Европа – не котел, здесь существуют различные государства со своей древней культурой, и в Европе

каждый народ защищает свою национальную культуру и гордится ею. Ломать сложившуюся (за два тысячелетия!) структуру европейской цивилизации – это безответственно. К сожалению безответственное, бюрократическое руководство Евросоюза не осознает, что оно творит под лозунгом так называемого «нового» гуманизма.

В Великобритании пятьсот церквей уже стали мечетями, почти половина мэров английских городов – мусульмане. Очень характерно высказался президент Турции Эрдоган: «Минареты – наши штыки, круглые купола – наши шлемы, мечети – наши казармы, верующие – наши солдаты». Русская писательница Елена Чудинова в своем романе *Мечеть Парижской Богоматери* (2005) предупреждает о существующей опасности. Французский писатель Мишель Уэльбек приходит в своем романе *Покорность* (2015) к таким же пессимистическим выводам.

Русские европейцы, воспитанные на ценностях модернистской культуры, не чувствуют себя комфортно в новом неомодернистском мире, где истину уже никто не ищет, где массовая культура наступает все более бесцеремонно, и что самое неприемлемое, личностная культура оказалась под ударом нового коллективизма восточного толка. Принципы русского европейца сегодня просты: он обязан защищать классические европейские ценности, как на Западе, так и в России.